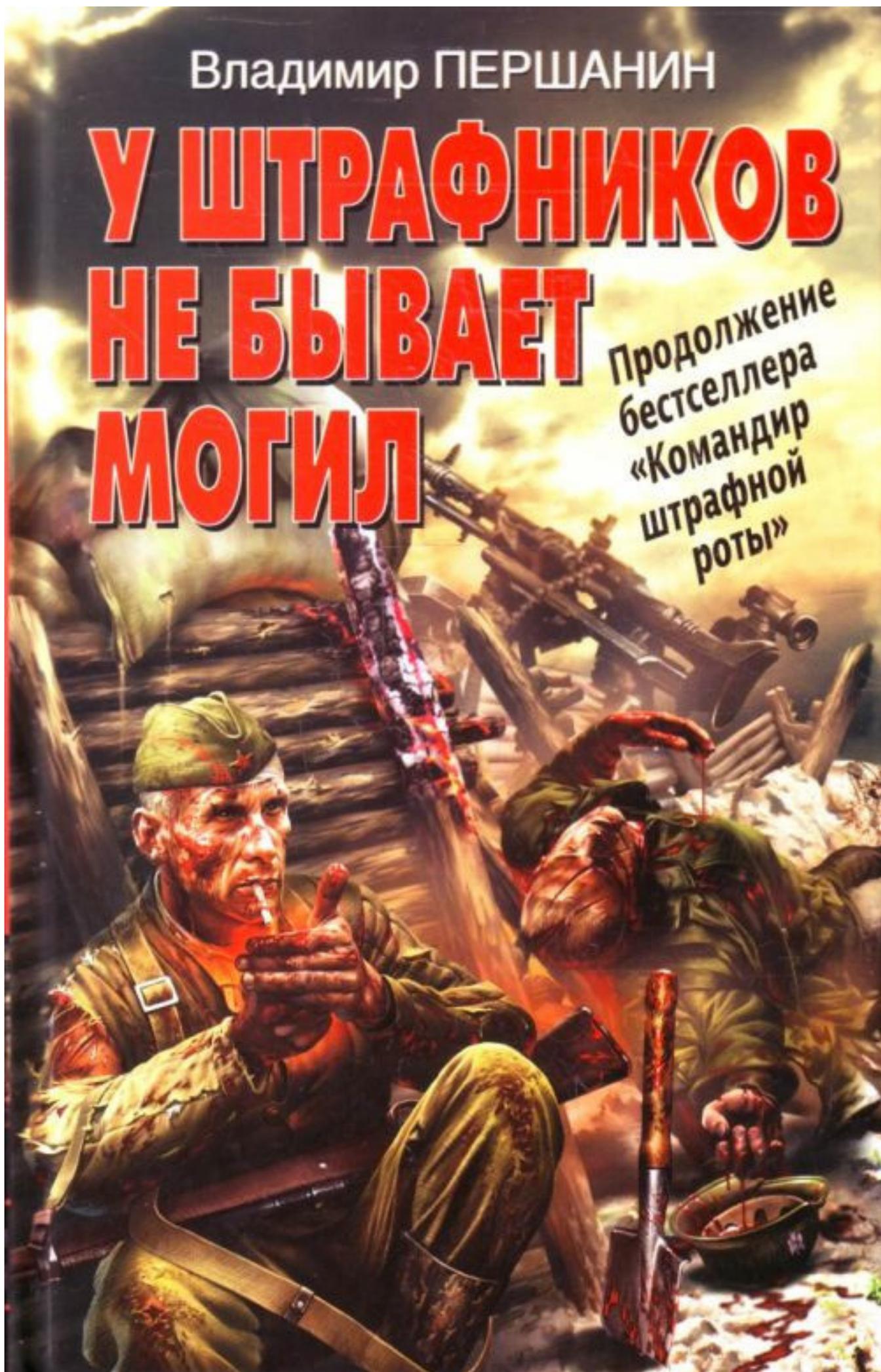

Владимир ПЕРШАНИН

У ШТРАФНИКОВ НЕ БЫВАЕТ МОГИЛ

Продолжение
бестселлера
«Командир
штрафной
роты»

Штурмовая рота

Владимир Першанин

У штрафников не бывает могил

«Яуза»

2010

Першанин В. Н.

У штрафников не бывает могил / В. Н. Першанин — «Яуза»,
2010 — (Штурмовая рота)

Долгожданное продолжение романа «Командир штрафной роты». У штрафников не бывает могил — после боя их хоронили без воинских почестей, зачастую просто в воронках или брошенных траншеях. Им не ставили памятников, их не представляли к орденам и медалям. Единственная их награда — вернуться в строй, «искупив свою вину кровью». Вот только до конца штрафного срока доживали меньше половины...

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	8
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	28
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Владимир Николаевич Першанин

У штрафников не бывает могил

Предисловие

Март сорок четвертого года. Второй Украинский фронт

Снег, сначала редкий, сыпал теперь всю крупными влажными хлопьями. Причудливой формы снежинки медленно таяли на лицах и ладонях погибших бойцов штрафной роты. Телогрейки и ватные брюки уже покрылись слоем снега, скоро снег перестанет таять и на остывающих лицах.

Остатки моего 3-го взвода тесной цепочкой вжимались в основание отвесного обрыва. Полоска берега и ледяная, с серыми проталинами, поверхность речки, которая именовалась на карте Талица. Одна из бесчисленных речушек, набирающих силу весной, когда тает снег.

Прорыв с целью захвата плацдарма на правом высоком берегу. Так громко именовалась безнадежная атака нашей 121-й отдельной штрафной роты. Хотя обсуждали атаку долго, но обсуждение и подготовка – это не одно и то же. А для хорошей подготовки времени и возможности не оставалось. Мало чем нам мог помочь пехотный полк, потрепанный в зимнем наступлении, и слишком быстро набирала силу третья военная весна.

Лед на речках таял под теплым солнцем и ненадолго схватывался ночными морозами. Мы двинулись вперед незадолго до рассвета. Три взвода численностью четыре с половиной сотни человек. По армейским меркам, почти батальон.

Как бы осторожно ни двигались бойцы, но треск тонкого, кое-где уже размытого льда немцы уловили раньше, чем мы рассчитывали. Под раздачу крепко попал 2-й взвод, двигающийся в центре. Досталось и нам. Ночью саперы снимали мины, лед их держал неплохо. Ползли, не проваливаясь, и мы, хотя чувствовалось, что ледяное покрывало дышит. Не сегодня-завтра пойдут трещины, и начнется ледоход, который сделает переправу невозможной.

И все же наш 3-й взвод переполз речку. Отчасти помогло то, что мы двигались на фланге, немного в стороне от основных сил роты. Нам даже выделили с полсотни рваных маскхалатов. Командир роты капитан Тимарь приказал натянуть поверх телогреек и ватных брюк запасное белье, безжалостно кромсая его, если не лезло. В общем, как могли, замаскировались.

Под огонь попали, когда передовая группа выбиралась на правый берег. Казалось, самое трудное позади. Взвод бесшумно миновал отмель левого берега, прячась за редкими кустами, и, замирая при свете ракет, грамотно, без суеты, переполз речку.

Искрящийся мелкими кристаллами туман, который бывает только ранней весной, скрадывал видимость и хорошо помогал нам. Оставалось выползти на правый берег, преодолеть метров двадцать пять полосы перед обрывом и осторожно (а может, и бегом) рвануть по заранее присмотренному откосу вверх. Но тонкий у закраины лед затрещал сразу в нескольких местах, кто-то тяжело, как тюлень, ухнул в промоину. Вся маскировка и слаженная осторожность полетели к черту. Поднялась суета. Одни, шумно ломая лед, брели к берегу, другие оглядывались по сторонам, не зная, что делать, но большинство по моей команде бежало к откосу. Здесь, впереди траншеи, выставялось на ночь боевое охранение: пулемет МГ-42 и человек семь немцев. Пулеметчик успел хорошо приложиться длинной очередью. Тех, кто бежал впереди, смахнуло, покатило по откосу.

В окопе уже рванула граната, опрокинув пулемет. Бойцы, набежав, стреляли в упор в охранение, взлетали и опускались приклады. Остальной взвод бежал по откосу под плотным

огнем из вражеской траншеи, которая располагалась метрах в восьмидесяти от края обрыва. Боевое охранение уже добились, мы торопились, несмотря на сильный огонь, к траншее.

Рядом со мной – мой заместитель младший лейтенант Левченко, чуть приотстав, ординарец Савельев. Здесь мы столкнулись со встречной цепью немцев, выскочивших из траншеи. Мы выиграли какие-то секунды, пока одетые в шинели с портупейями или маскировочные костюмы и белые каски фрицы разглядывали диковинное войско, возникшее из тумана. В телогрейках, нательных рубашках, обвязанные серыми простынями, с тюрбанами из полотенец, накрученных на шапки.

– Бляди! Бей их!

– А-а-а!

Тяжелое дыхание, яростная ругань, мат на русском и немецком. «Ура» не кричали, не хватало дыхания. Рвались вперед, стреляя на ходу. Если бы добежали до траншеи и дело дошло до рукопашной, возможно, атака завершилась бы удачно. Терять моим бойцам было нечего, но враг ценил свою драгоценную арийскую кровь куда дороже. Мы рвались вперед, пытались дотянуться до врага прикладами, штыками. Просто пальцами, ради чего не жалко отбросить оружие – из-под намертво сжатых пальцев эти уроды не уйдут!

Упал один, второй фриц, еще несколько человек, но остальные открыли огонь в упор. Господи, сколько у них автоматов! Немцы отступали, выстилая перед собой полосу огня! Я расстрелял магазин трофейного МП-40, кого-то свалил. С фланга ударил по нам станковый пулемет. Немцы уже лежали на истоптанном снегу, давая возможность развернуться другому пулемету. Второй номер расчета, встав на корточки, держал сошки на плечах, а пулеметчик подметал склон со скоростью двенадцать пуль в секунду.

Бойцы валились, как куклы, убитые наповал или смертельно раненные огнем двух скорострельных «машингеверов» – МГ-42. Кто-то успел срезать из винтовки скорчившегося второго номера, но немецкий пулеметчик успел выдернуть сошки и стрелял с пояса. Винтовка бойца вылетела из рук вместе с брызгами крови из полуоторванной руки. В пулеметчика стрелял Левченко, я и кто-то еще. Мы его свалили, и последние пули ушли в небо.

Но это уже не имело значения. По нам вела огонь вся траншея, а залегшая прореженная цепочка фрицев швыряла гранаты: «колотушки» с длинными рукоятками, кайзеровские утяжеленные «лимонки» и цилиндрические стаканы М-34, взрывающиеся от удара о препятствие.

Взрывы хлопали густо, сливаясь в сплошной треск. Те из наших, кто остался жив, какое-то время огрызались огнем. Перед атакой нас тоже хорошо снабдили гранатами (кто сколько унесет), и мы кидали в ответ свои «лимонки» и РГ-42, заставляя фрицев вжиматься в снег.

Под прикрытием гранат, двух ручных пулеметов и огня с левого берега мы скатывались с откоса. Оглушенные, злые, контуженные, продолжая стрелять. Часть вместе со мной, младшим лейтенантом Левченко и кем-то из сержантов кинулись под обрыв. Мы не хотели отдавать захваченный кусок берега, а тем более удирать, подставляя под пули спины.

У кого не выдержали нервы, новички, штрафники из тыловой братии, бежали через речку назад к левому берегу, отмели, где можно укрыться в кустах и среди редких деревьев. Из тех, кто выбрал этот путь, спаслись немногие. Остальные грязно-серыми комками с расплывающимися пятнами крови остались лежать на льду. В них продолжали стрелять, выбивая ледяное крошево. Тела дергались и шевелились под ударами пуль. Некоторые бойцы были еще живы и, на свою беду, пытались ползти. Их добивали один за другим.

Потом начался минометный обстрел. Где лед был толстый, 80-миллиметровые мины лишь скалывали большие и мелкие куски, разлетающиеся в разные стороны вместе с градом осколков. Взрывы подкидывали и переворачивали мертвые тела, разбрасывая клочья одежды и кровавые пятна. На мелководье, где лед за эти весенние дни подтаял, взрывы мин поднимали фонтаны воды и пучки водорослей. Одно из тел скользнуло в полынью и, подхваченное

течением, ушло в темную густую воду. Но разбить ледяной покров и перекрыть возможность дальнейших атак немцы не сумели. Для этого требовался более серьезный калибр.

Левченко и помкомвзвода Матвей Осин считали оставшихся в живых и погибших. Здесь, прижимаясь к обрыву, нас собралось человек сорок с небольшим. Сколько погибших лежало наверху, можно было только гадать. На льду речки насчитали два десятка тел. Получалось, примерно, что из ста пятнадцати бойцов взвода осталось в живых не более полусотни.

И неизвестно, сколько жизни отпущено нам, забившимся под обрыв. Мы приходили в себя и жадно курили. Кто-то стонал, кашлял, вполголоса переговаривались. Василь Левченко, белорус из города Кричев, рассеянно усмехался, стуча ногтями по прикладу ППШ. Чему радоваться, застряв в мышеловке? От немецких траншей нас отделяет восемьдесят метров плюс десятиметровая стена обрыва.

Впереди долгий мартовский день. У фрицев будет достаточно времени испробовать все свои хитроумные штуки, чтобы добить взвод. Но Василь Левченко все равно улыбался. С левого берега стучали пулеметы – хоть какая-то гарантия, что немцы не подползут к краю обрыва и не забросают нас гранатами. Очень хотелось жить. И штрафникам, и нам, их командирам, которые ничем не проштрафились. Мы вместе сходили в неудавшуюся утреннюю атаку и сейчас сидели, вжимаясь в обрыв, думая каждый о своем.

Глава 1

Я, Буканов Вячеслав Пантелеевич, родился 29 марта 1922 года в небольшом селе Самарино. Скажу сразу, что никакого отношения к городу Самара (Куйбышев) оно не имело и располагалось в Палласовском районе Сталинградской области. Единственной достопримечательностью в наших краях было огромное соленое озеро Эльтон, километрах в сорока от села. Там имелаась известная на весь Союз лечебница, где лечили больные суставы люди, приезжающие сюда со всех краев. Но лечебницы и санатории были для нас недостижимой роскошью, а на Эльтон ездили за пищевой солью. Если не сахара, то соли хватало с избытком.

Человек, приехавший в нашу деревушку из города, только бы рот разинул, удивляясь, как в этой глухомани живут люди. Степь, солончаки да полынь на сотни верст. Солнце летом, как огромный раскаленный шар, растрескавшаяся земля, а зимой – холодина. И ветер дней триста в году. Летом – как из печки, а зимой – пронизывающий, ледяной, рождающийся где-то в казахских пустынях.

Кому как, а мне моя деревня нравилась, хотя даже вырастить дерево возле дома было целой проблемой. Колодцы рыли глубиной двадцать метров. Ходили по селам специальные артели, человека три-четыре, и среди них всегда имелся колдун, обладавший чудесной способностью чуют воду сквозь толстый слой сухой земли. Я однажды тайком подсмотрел, как он ищет нужное место.

Ляжет и ухом землю слушает, несколько травинок выдернет и между пальцами разотрет. По его указанию помощники в одном-другом месте ямку выдолбят, а он сухие комья рассматривает. Бывало день или два нужное место ищет, а потом артель начинает копать. Говорили, что из глубокой ямы дном звезды было можно видеть, но я в узкую нору лезть боялся.

Бывало, что колдун ошибался, и находили соленую воду. Не как в море, конечно, но для людей непригодную. Ей поили скотину и поливали огороды. А нужный колодец находили в другом месте.

Домишко, сделанный из глиняных кирпичей, был у нас небольшой. Летняя кухня – отдельно. Отец с матерью и дедами сумели развести неплохой сад, защищавший от летней жары, которая достигала порой 40 градусов. Сказать, что мы голодали, не могу. Правда, неурожай в Заволжье – обычное дело. Колхозы занимались в основном животноводством. Мясо полагалось сдавать государству, но доставалось и нам. Отары овец тысячные ходили.

В лиманах, на сочной траве откармливали коров. Несмотря на большие налоги, хватало молока, творога, домашнего сыра. В жару вместо воды пили вкусный холодный ирьян – приготовленное особым способом кислое молоко.

В наших краях жили много казахов. С ними мы всегда ладили. От казахов переняли способ вялить мясо на солнце и на ветру, почти без соли. На вид оно выглядело не слишком аппетитно, но когда варили шурпу или щи, то не каждый мог отличить вяленое мясо от свежего.

Тридцать третий год запомнил хорошо. Суховеи такие задували, что против ветра шагать невозможно было. По степи перекасти-поле, как мячики, неслись. Урожая никакого, все под солнцем сгорало. Не сказать, что деревни поголовно вымирали, но покойников почти из каждого дома выносили. В первую очередь умирали грудные дети и старики. Погибало много домашних животных. Как могли, старались сберечь коров, доились они плохо. Тут уж не до молока, лишь бы выжили! Скот, который разрешали резать из-за бескормицы, был почти несъедобный – жилы да кости. Но ели все подряд. Корни какой-то болотной травы, сладковатые на вкус. В суп клали ботву от разных овощей.

Для нас, мальчишек, некоторые игры превратились в способ выживания. Вылавливали сусликов и жарили их над углями. Суслики были жирные. Мы съедали подгоревшие крошечные тушки целиком вместе с костями. Хорошую песенку сочинили много лет назад про весе-

лых юннатов и чибисов у дороги. Для нас эти степные птицы, чуть больше скворца, тоже стали в тридцать третьем году пищей. Мы охотились на них с рогатками, но чибисы быстро раскусили наше коварство и перестали близко подпускать.

Летом в тот год в округе появился бешеный, а может, просто больной волк. Его боялись. Стоило кому крикнуть: «Волк!» – как все прятались в дома. В деревне жил молодой мужик с лицом, сплошь покрытым оспой. Мы его дразнили Щербатый. Он занимался разными жестяными поделками, при нужде ковал лошадей (своей кузницы в деревне не было). Когда волк появился в очередной раз, Щербатый вышел на середину улицы с огромной жердью. Я прибежал уже после, но мне рассказали, как все происходило.

Волк, с капающей из пасти слюной, долго смотрел на Щербатого, затем кинулся на него. Говорили, что волк был здоровенный, и свалить его удалось после нескольких ударов. Когда я прибежал и растолкал толпу, то увидел облезлого костлявого хищника с желтыми зубами. Его завернули в тряпье, отвезли за околицу и сожгли вместе с тележкой. Старики набрали по дворам керосина и выжгли участок, где происходила схватка.

С той поры Щербатый стал в нашей деревне вроде национального героя. Ему приписывали невиданные качества и больше не называли Щербатым. Он был хорошим мужиком, имел несколько детей и пропал на войне. Кстати, позже в моем штрафном взводе окажется боец с таким же прозвищем. Я проникнусь к нему симпатией, даже стану выделять среди других, но он окажется полной противоположностью смелому земляку. Но об этом позже.

Самая лучшая пора в наших местах была весна. Степь становилась ярко-зеленой, распускались целые поля тюльпанов. Журавли, выстроившись в цепочки, исполняли неторопливый танец. В многочисленных лужах и озерцах плавали стаи уток. Но солнце быстро сушило, а затем выжигало степь. К концу мая она делалась серой и сухой, и только вечерний запах полыни приносил свежесть.

Любимым местом для мальчишек было озеро Солёный Лиман, километрах в трех от села. Вода всегда холодная, даже в жару, по берегам росли крупные ивы, еще какие-то степные деревья, крепкие, узловатые. Пока сушняка на костер наломаешь, все руки обдерешь. Вода в озере была солоноватая, но мы к ней привыкли, пили. В Лимане ловили на удочки карасей, красноперку. Иногда попадались сазаны, но они легко обрывали наши самодельные снасти.

Отец работал чабаном в колхозе, мама была, как теперь говорят, домохозяйкой. Детей в семье было шестеро: четыре сестры и мы, двое братьев. Я по возрасту был предпоследним. Если почти все дети в семье закончили 4–5 классов, то я с сестрой Машей ходил в семилетку в центральную усадьбу колхоза. Остальные уже давно работали и дали нам возможность учиться.

После семи классов я помогал отцу пасти овец, затем перешел работать в механическую мастерскую, откуда вместе с приятелем Гришей Гомоном подали заявление в военкомат с просьбой зачислить нас в военное училище. В какое именно, не уточняли. Просто в Палласовке мы однажды с Гришей увидели молодого лейтенанта и шли за ним, как дураки, разинув рот от восхищения.

Вот это форма! Картинка! Гимнастерка с шевронами, галифе, начищенные сапоги, красные петлицы с медными кубиками. А кожаная портупья с блестящими пряжками и кобурой, из которой выглядывала рукоятка настоящего нагана на кожаном ремешке! Любая девчонка с ходу влюбится.

Не то что мы, два лаптя в бесформенных штанах, цветастых рубашках и плоских картузах. Нам с приятелем уже по семнадцать лет было, взрослые парни, на девок засматривались. А тут, как со стороны на себя поглядели, обидно стало.

Конечно, увиденный нами лейтенант не стал основной причиной выбора дальнейшей профессии. Просто Красная Армия, а особенно командиры всегда пользовались большим

почетом. С нетерпением ждали ответа на запрос, и в августе тридцать девятого года получили вызов в Ростовское командное пехотное училище.

Училище буду всегда вспоминать с благодарностью, хотя поначалу приходилось туго, ведь мы пришли туда с разным уровнем подготовки, а военная учеба – штука очень не простая. Распорядок дня был такой.

Подъем в шесть часов утра (летом – в 5.30), 15 минут зарядка, а затем минут двадцать упражнения с винтовкой: бег, изучение ружейных приемов, подготовка к стрельбе, техника быстрого прицеливания.

После завтрака каждый день, кроме воскресенья, шесть часов занятий. Один день: тактика, ползание, атаки, смена позиций, разведка и т. д. Второй день – стрельбище. На места занятий только бегом (4–6 километров)! Бежишь с полной выкладкой: винтовка, противогаз, шесть обойм учебных патронов и две учебные гранаты. Через плечо – шинельная скатка, которой всю шею обдерешь, пока научишься правильно укладывать.

На всю жизнь запомнились нормативные требования. Надо было с положения стоя сдернуть с плеча винтовку, достать обойму, зарядить ее, поставить планку прицела на нужное расстояние и произвести выстрел. И что самое главное – отпускалось на все это три секунды.

Когда нам сообщили нормативы, мы не поверили. Пока «трехлинейку» с плеча снимешь, уже три секунды пройдут, а тут еще заряжать да целиться. Но ведь освоили! Учили нас владеть винтовкой, как портного с иглой, привыкнуть к оружию, стать частью его. После обеда обязательно давали час поспать, а до вечера изучали уставы, связь, приемы химзащиты и прочие премудрости.

Раза два-три в неделю проводились политзанятия. Обычно на свежем воздухе. Скажу откровенно, всякие политические новости, события в стране мы слушали с интересом. Политработники у нас были опытные. И все же усталость брала свое, и мы потихоньку начинали дремать. Тут же раздавалась команда:

– Встать!

Минут пять слушаем преподавателя стоя, а затем, когда он убеждается, что окончательно пришли в себя, разрешал снова сидеть. Помню, что нравоучениями не докучали.

Три раза в неделю шестичасовые занятия проводились на стрельбище. Сотни раз повторяли приемы изготовления, прицеливания, ведения огня. Стреляли много, восемь-десять боевых стрельб в месяц – это около сотни выстрелов только из винтовки. А ведь мы еще изучали ручной пулемет Дегтярева и станковый «максим».

С «максимом» занимались теоретически: сборка, разборка, установка прицела. А из «Дегтярева», особенно на втором курсе, я пострелял достаточно. Раз в месяц нормативные стрельбы по 20–30 патронов. Кто проявлял желание, тем разрешали заниматься с инструктором дополнительно. Это еще три-четыре занятия в месяц. Группа была небольшая, и патронов хватало. Учились поражать мишени, «амбразуры», «пулеметные точки». За одно занятие по пятьдесят-сто патронов выпускали.

Физическая подготовка, в том числе рукопашный бой, проводилась через день. Хотя училище было пехотное, но мы прошли краткий курс артиллерийской подготовки на базе 45– и 76-миллиметровых легких пушек. В случае нужды могли встать за прицел и вести из них огонь. Конечно, во время войны, когда в пехотных училищах срок учебы сократили до 6–8 месяцев, такой основательной подготовки не давали. «Шестимесячных» младших лейтенантов пекли как блины. Армия остро нуждалась в командирах.

Сейчас хочу вкратце рассказать, что я тогда из себя представлял. Рост 167 сантиметров. Можно сказать, малорослый, стоял где-то в середине шеренги. Зато брал физической силой. Работа чабаном, а затем в мастерской быстро укрепляла мышцы. Парни-казахи в нашем селе любили заниматься борьбой, я тоже был в их компании и даже раза два выступал на районных

соревнованиях. По сравнению с городскими ребятами у меня в училище не было трудностей с физподготовкой.

Быстро научился «солнце» на турнике крутить и на брусьях нормативы сразу сдавал. С теоретическими дисциплинами было похуже. О чем говорить, если у нас ботанику, физику и геометрию один учитель в школе преподавал? Книги читать я как-то не сильно привык, просто раньше не хватало времени. Дотемна работали, а электричества в наших селах не было. В училище приохотился к чтению. Помню, посоветовали прочитать роман Алексея Толстого «Гиперболоид инженера Гарина». Я ведь его поначалу за чистую монету принял, не понял, что это фантастика.

Потом Чехова с удовольствием читал, Куприна, глотал всякую белиберду вроде «Первого удара» и шпионские романы тридцатых годов. Понемногу стал разбираться, где настоящее, а где – пустословие. Отличником не был, но считался курсантом образцовым, на Доске почета висел. Особенно как спортсмен и хороший стрелок. Хотя всякое бывало.

На втором курсе повадился шастать в самоволку. Познакомился с девушкой, но роман наш длился недолго. Часто приходиться на свидания я не мог, да и той девушке, видно, не слишком интересно было общаться с деревенским парнем. Кончилась любовь. Я переживал, но вскоре стало не до любовных чувств.

22 июня 1941 года нас построили на плацу, и мы выслушали речь Молотова о том, что фашистская Германия вероломно напала на Советский Союз. К тому времени мы уже сдали последние экзамены. Нас переодели в новую форму с лейтенантскими «кубарями», прошел скромный выпускной вечер, и мы получили назначение на службу. Кто куда. В основном в западные военные округа.

Окончив училище довоенной поры, могу с уверенностью сказать, что готовили нас как следует. По крайней мере, когда я впервые столкнулся с немцами в бою зимой сорок второго года, я чувствовал себя на равных, хотя обстановка складывалась тогда тяжелая.

Конечно, выявились недочеты, которые не были учтены при подготовке командиров. Например, такая штука, как встречный бой. Все это постигалось на практике. Не слишком большое внимание уделялось ручным гранатам. Самая массовая тогда ручная граната РГД-33 была довольно сложной в обращении. Взвести поворотом рукоятки ударник, встряхнуть гранату, как градусник, и после того бросай во врага. Курсанты побаивались этой гранаты – вдруг шархнет, если сильно встряхнешь! Да и броски боевых гранат на учениях проводились редко во избежание чрезвычайных происшествий. Отсюда и результат.

В любом случае, училище стало для меня хорошей школой, и вышел я оттуда уже не тем наивным деревенским паренком, а человеком, имеющим непростую и почетную профессию: «Родину защищать».

Я был уверен, что буду отправлен на фронт, куда и рвался, желая драться с фашистами. Однако получил предписание в город Ташкент. Попрощался с земляком Гришей Гомоном. Молодые мы были, наивные. Гриша меня утешал, жалея, что так «не повезло». Буду околачиваться в тылу, а он, Гриша, разобьет зарвавшихся фашистов и с орденами пойдет на запад, освобождать захваченные немцами страны. Как и многие из моих ровесников, лейтенант Григорий Гомон пропадет без вести в первое военное лето.

Я же полтора года преподавал в Ташкентском пехотном училище боевую и стрелковую подготовку. В Ташкенте было много эвакуированных, сплетен хватало. Отступление Красной Армии вызывало недоумение и обиду. Немецкие войска брали один за другим крупные города: Минск, Смоленск, Киев – как такое могло случиться!

А ведь мы еще ничего не знали об огромных наших потерях, миллионах пленных. В документальном труде «Великая Отечественная без грифа секретности (книга потерь)» приводится цифра попавших в плен советских бойцов и командиров в 1941 году. Два миллиона

пятьсот шестьдесят тысяч человек. В других источниках эта цифра колеблется на несколько сотен тысяч в ту или другую сторону, но, в общем, соответствует истине.

Конечно, мало кто об этом знал, а кто догадывался, предпочитали помалкивать. Мы уже поняли, что война будет долгой и жестокой. Невнятные сводки Информбюро вносили только путаницу. Цифры немецких потерь приводились такие, что можно было только удивляться – кто же против нас воюет? Мы же все немецкие войска уже разгромили.

Поражение немцев под Москвой крепко подняло настроение курсантов. Большое впечатление произвел документальный фильм, где мы видели груды искореженной немецкой техники, торчавшие из-под снега руки и ноги убитых фрицев. Что, получили, гады! Горячие головы строили планы, что теперь пойдём без остановок до Берлина. Но трагедия 1942 года под Харьковом и отступление наших войск до Волги показали, что мы ещё недооцениваем врага.

Весной сорок второго года в училище пришло много новых преподавателей, в основном из числа выписавшихся из госпиталей. По всему было видно, что натерпелись они немало. В откровения с нами пускаться не торопились. Те, кто попроще, за рюмкой водки иногда рассказывали о событиях сорок первого года, но правда не поощрялась. Не скажу, что у нас свирепствовали особисты, однако языки распускать не давали. Особенно за этим следили политработники.

Они лезли порой совсем куда не надо. Простой пример. Мы все составляли конспекты лекций. Вряд ли планы моих занятий можно было назвать лекциями. В основном практические занятия: изучение оружия, гранат, боевые стрельбы, приемы штыкового и рукопашного боя. Посмотрит политработник в чине батальонного комиссара мои лекции и чиркает красным карандашом. Почему мало прославляем мощь нашего оружия, которое превосходит немецкое? О превосходстве вопрос спорный. Лучше это слово вообще не трогать.

Основное оружие пехоты – винтовка Мосина (трехлинейка) была безотказным надежным оружием. Неплохо показал себя пулемет Дегтярева. Однако сверкающие на парадах красивые самозарядки Токарева (СВТ) в боевых действиях себя не оправдали. Рискну высказать мнение простого лейтенанта в защиту талантливого конструктора Федора Васильевича Токарева. Я хорошо изучил его винтовку, немало стрелял из нее, видел сильные и слабые стороны. Не скажу, что она плохая. Иначе бы немцы не собирали СВТ на полях боев и не вооружали своих солдат.

Токаревская самозарядка требовала особого ухода, постоянной чистки. Нередко отказы на стрельбище происходили из-за неправильного снаряжения коробчатых десятизарядных магазинов. За каждым курсантом не уследишь. В небрежно набитых магазинах патроны цеплялись доньшками гильз с широкими закраинами, не поступали в казенник, застревали.

Осенью сорок первого я начал изучать с курсантами автомат ППШ. Нормальное и дальнобойное для того времени автоматическое оружие. Немецкие автоматы хоть и смотрелись лучше, но уступали по дальнобойности и тоже были чувствительны к загрязнению. Привлекала их компактность и коробчатый, более надежный магазин.

Трофейный пулемет МГ-34, который поступил для изучения весной сорок второго года, вызвал у меня двойственное чувство. Я понял, что это мощное оружие, превосходит наши «Дегтяревы». Но говорить открыто не мог. Нарвался бы на неприятности.

Глава 2

Вместе с группой курсантов я отбыл на фронт в декабре сорок второго года. Как и большинство молодых преподавателей, я несколько раз подавал рапорта о направлении в действующую армию. Обстановка на фронте и в сорок втором году оставалась тяжелой. Врезался в память приказ Верховного Главнокомандующего № 0227 от 28 июля 1942 года «Ни шагу назад!».

Приказы, издаваемые ранее, тоже были жесткими. Этот приказ вызвал большой резонанс не только своей жесткостью, но и откровенной оценкой обстановки. Если раньше просто напоминали о воинском долге, недопустимости отступления, то сейчас, если проще выразиться, было сказано так: «Все, ребята! Мы дошли до точки. Остается только драться насмерть и забыть об отступлении».

Приводились фразы, которые раньше никогда не произносили. О «покрытых позором знаменах», о том, что население теряет веру в Красную Армию, о позорном поведении на фронтах. «Отступать дальше – значит загубить себя и загубить Родину». Открыто говорилось, что в частях не хватает порядка и дисциплины. Как молотком вбивались фразы: «Паникеры и трусы должны истребляться на месте. Ни шагу назад! Таким теперь должен быть наш главный призыв».

Все мы с напряжением следили за битвой, развернувшейся под Сталинградом. 19 ноября 1942 года началось наступление наших войск. В сводках и газетах замелькали города и населенные пункты, освобожденные Красной Армией. Запомнилась одна из сводок, где говорилось о взятии в плен 7 тысяч румынских солдат и офицеров. 24 ноября немецкая 6-я армия была окружена под Сталинградом. Из событий тех дней запомнился захват и уничтожение на станции Тацинская 350 немецких самолетов. Ведь это десять воздушных полков!

Уже в эшелоне мы узнали также о разгроме вражеской группировки под командованием Манштейна, которая пыталась деблокировать окруженную армию Паулюса. В общем, ехали с праздничным, победным настроением.

Я попал в 40-ю армию Воронежского фронта. Стрелковый полк, куда я был назначен командиром взвода, находился недалеко от города Красный Лиман. Полк находился на переформировке после понесенных тяжелых потерь в ходе осенних и зимних боев. Сначала во взводе было человек семнадцать, потом начало приходить пополнение, и численность достигла 40 человек. Основная масса красноармейцев была из сел и хуторов, имели образование 4–5 классов, с оружием не знакомые. Учеба проходила в форсированном режиме, ведь мы не знали, сколько времени отпущено на формирование.

Командир роты Гладков Иван Алексеевич был из кадровых военных. Начал службу в начале тридцатых годов, затем окончил курсы, а роту получил под командование перед самой войной. Ему я обязан многим. Он не уставал напоминать, что боец должен быть накормлен, бодр и полностью экипирован, вплоть до иголки с ниткой, не говоря о крепкой обуви и умении правильно носить обмотки. К слову сказать, большинство красноармейцев, в том числе сержантов, носили ботинки с обмотками. Я больше уделял внимания боевой подготовке и лишь со временем понял правильность слов капитана.

Из командиров взводов я быстро подружился с Чепелевым Антоном, моим ровесником. Был он спокойный, немного флегматичный, успел повоевать, имел ранение. Мы с ним проводили вместе немногие свободные часы. От него я впервые услышал откровенные и вполне разумные оценки событий, происходящих на фронте. Доверяя мне, он однажды резко заметил после одной из политинформаций об окружении немцев под Сталинградом:

– Нельзя так упиваться частными успехами! Сталинград, конечно, важно, но ведь пол-России, вся Украина, Белоруссия под немцем. Глянь на карту, фашисты тысячу километров нашей территории захватили. Ее отбивать придется. Об этом надо думать, а не трещать, как сороки, об одном и том же.

Антон был из Куйбышева, хорошо учился, окончил десять классов и работал на оборонном заводе. Выдержал всего год. Рассказывал, как приходилось стоять за станком до двенадцати ночи. Не хватало сил добраться до дома, спали здесь же в цеху, возле котельной на груде тряпья. Учился в минометно-пулеметном училище, но в минометчики по каким-то причинам не попал, чему я удивлялся. Такой грамотный, умный парень – ему бы минометами командовать, а не взвод в атаку водить. Неофициально он считался заместителем командира роты, хотя имел звание «младший лейтенант».

Командир третьего взвода Иванцов был постарше нас и ходил какой-то весь в себе. То ли смурной, то ли обозленный. В военном отношении он имел достаточно опыта, находился год на фронте, был дважды ранен. Я его раздражал тем, что, окончив училище, полтора года «околачивался в тылу». Антона Чепелева он поддевал насчет грамотности:

– Много я таких грамотеев под Вязьмой видел. Вечером философию разводит, а утром в снегу лежит, только ноги торчат.

– Ну и чему ты радуешься? – осадил я его. – Что твой товарищ погиб?

– А ты меня не учи. Товарищ выискался! Сходи разок-другой в атаку, тогда и поговорим.

Мы с Антоном на него злились, но не могли не признать, что в его 3-м взводе дисциплина крепкая, бойцы Иванцова слушаются. Тем не менее заместителем Гладкова считался Антон Чепелев. Капитан недолюбливал задиристого по характеру Иванцова, на все имеющего свое особое мнение. Дай такому волю, дров наломает. Кроме того, Гладков придавал большое значение сплоченности взводов. Однажды он отчитал Иванцова, когда тот в очередной раз стал разлагольствовать, что немцы с таких, как Чепелев и я, быстро ученость собьют и научат по норам прятаться.

– Прикрой поддувало, герой, – по-простому ответил капитан. – За дурную болтовню, знаешь, что бывает?

– Меньше взвода не дадут, – начал было духариться Иванцов, но Гладков не дал закончить ему поговорку, что «дальше фронта не пошлют». Сплюнул и послал на три буквы.

Помощником командира взвода был у меня старший сержант Пинчук Никита из Макевки. Маленький плотный украинец отслужил три года, весной готовился к демобилизации, а тут война. Переживал за семью, оставшуюся в оккупации. Так получилось, что Никита стал третьим в нашей небольшой компании.

Помню, как мы с ним знакомились. Ему стукнуло двадцать два года, пригласил меня и Антона отметить событие. Пинчук был живой, шустрый по характеру, раздобыл спирта, сала, сушеной рыбы, и мы неплохо посидели после отбоя. Во взводе его слушались, и он стал мне хорошим помощником. Умел найти общий язык с любым бойцом и поддерживал мой авторитет. Но я понимал, что подчиненные дадут мне настоящую оценку лишь после первого боя.

Чего там говорить, если даже офицеры батальона за спиной отпускали в мой адрес не слишком лестные подковырки, вроде того, что, наверное, парень себе на уме, если сумел отсидеться в тылу в самый трудный период войны. Не станешь же каждому объяснять, что моего мнения никто не спрашивал.

Пока же я старательно передавал бойцам навыки стрельбы, обращения с оружием, учил вести штыковой и рукопашный бой. Однажды, не рассчитав, перегнул палку. Когда отрабатывали приемы штыкового боя, я предложил выйти против меня сразу двоим красноармейцам. Это было мальчишество! Ребята оказались крепкие, мне пришлось отражать их удары всерьез. Верх я одержал, но повредил одному из них руку. Казалось, пустяк. В других взводах и ротах

случались травмы посерьезнее. Но в данном случае кто-то стал косо на меня поглядывать. Мастер! Решил повыделываться.

Переформировка закончилась быстро и неожиданно. Под Сталинградом шли упорные бои, и засиживаться никому не давали. Вооружен взвод был неплохо, имелись три ручных пулемета, противотанковое ружье. Автоматов, правда, насчитывалось всего штук пять, в основном у сержантов. Выдали патроны, гранаты. Морозным ясным вечером двинулись в путь.

Шли с короткими перекурами почти до рассвета. На дневку отвели коровник с выбитыми окнами. Народу набилось много, заснули сразу, не чувствуя ни холода, ни голода. За полдень старшина кое-как нас добудился и накормил пшенной кашей с мясом. Снова спали, а в ночь шагали по скрипучему утопанному снегу.

Хоть и не слишком уютно было в коровнике, где навоз слегка притрусили соломой, но на следующей дневке мы вспоминали его с тоской. Ничего, что утром навоз подтаял, и мы все вывозились в бурой жиже. Зато не мерзли. Второй день провели в лесу. Мороз был не такой сильный, градусов десять, но попробуй поспи на сосновых ветках! Сбивались в кучки, прижимаясь друг к другу, и каждый час просыпались. Костры разжигать категорически запрещалось.

Командир батальона капитан Онищенко приказал ротным командирам лично проверять посты. Опасались прорыва немецких танков. У дороги стояла замаскированная батарея легких полковых пушек. Пулеметчики с «максимом» оседлали бугорок. Сам пулемет был покрашен в белый цвет, зато шинели бойцов четко выделялись на фоне снега.

Движение на дороге было не слишком оживленное из-за налетов немецкой авиации. Но некоторые части продолжали двигаться в сторону фронта. Были и те, кто шли на восток. Мы с капитаном Гладковым и тремя бойцами задержали одну такую группу.

К сожалению, зима сорок второго – сорок третьего года была не только периодом наших побед, но и крепких ударов немецких войск. Я видел отступавших, возможно, пробившихся из окружения бойцов. Привыкший к подтянутому виду курсантов, я со смешанным чувством удивления и брезгливости смотрел на одну из таких групп.

Мятые, прожженные шинели, разнокалиберные валенки или ботинки с обмотками из всякого тряпья. Один из бойцов за неимением шапки натянул на уши две пилотки. Но винтовки имели все. У двоих-троих я заметил серые заскорузлые от крови повязки. Разговор сразу принял резкий характер.

– Драпаете? – спросил капитан.

– А вы на парад собрались? – отозвался на ходу один из красноармейцев.

– А ну, стой! – скомандовал Гладков.

Молодец Иван Алексеевич! Он не хватался за оружие, не повышал голоса, но своей уверенностью внушал уважение. Бойцы приостановились.

– Кто старший?

Повисло молчание. Ручной пулеметчик из моего взвода, рослый парень, пошевелил стволом и презрительно сплюнул. Сержант в полушубке отдал честь и доложил:

– Сержант такой-то, командир отделения. Исполняю обязанности командира роты.

– Полушубок-то небось со своего погибшего командира снял? – проговорил Гладков, и в голосе его прозвучали такие нотки, что даже мне стало не по себе. Возьмет да шлепнет за отход и мародерство!

Почуял это и сержант. Стал путано объяснять, что полушубок нашел в разбитом обозе. При этом нервно дергал верхний крючок, пока тот не оторвался. Мы увидели перебинтованную шею.

– Ранен?

– Так точно, товарищ капитан.

Тогда для меня было удивительно, что рота состоит из двух десятков человек, а командует ей сержант. Вскоре я этому перестану удивляться. Отошли на обочину, и сержант рассказал, что их полк вел бой, отступали, а вчера попали под бомбежку.

– А где полк? – допытывался Гладков.

Сержант растерянно пожимал плечами. Потерялись... очень сильно бомбили. Ротный погиб, два командира взвода. И это для меня было дико. По моим понятиям, мог потеряться боец, заблудиться взвод, но целый полк! Две тысячи человек, десятки автомашин и лошадей, артиллерийские батареи! Но свое удивление я оставил при себе и правильно сделал.

– Вы тоже днем осторожнее, товарищ капитан, – посоветовал сержант. – Немцы по головам ходят. Чуть зевнешь, пара-тройка «юнкерсов» из всех стволов лупят.

– Учту, – очень серьезно ответил Гладков. – Но ты мне не ответил, отступить далеко собрались?

– Найдем штаб полка... или дивизии. Тогда командиры определят.

– Ну, идите.

А я впервые попал в тот день под бомбежку. Многие фронтовики говорят, что к этой штуке невозможно привыкнуть. Впрочем, к ощущению смерти вообще привыкнуть невозможно. Рев моторов и вой сирен «Юнкерсов-87», идущих в крутое пике, показали мне, что такое война.

– Ложись! Воздух! – кричал кто-то с запозданием.

Это произошло после той встречи с отступающими, когда мы вернулись на место дневки в лес. Я брякнулся в снег между двумя тополями, рядом лежал сержант Пинчук. Полк находился метрах в трехстах от дороги, но мощные взрывы, которые там гремели, встряхивали землю с такой силой, что меня подбросило едва не на полметра. Я вцепился пальцами в траву под снегом, но следующий толчок, хоть и не такой сильный, снова встряхнул меня, а пучки травы вместе с корнями остались в стиснутых пальцах.

С тополей сыпался снег, труха, мелкие ветки. Когда лежишь вниз лицом, невольно ощущаешь, ждешь каждую секунду, что бомба врежется точно между лопаток, и ты превратишься в ничто. Я перевернулся на бок, чтобы видеть свою смерть. Она пронеслась совсем низко над землей в образе пикирующего бомбардировщика «Ю-87».

Я впервые видел вблизи получивший недобрую славу «Юнкерс-87», которого называли «лаптежник» или «лапоть». Как ни назови, но эта бронированная машина с большой бомбовой нагрузкой и четырьмя пулеметами наносила нашим войскам огромный урон. Я разглядел шасси, выпущенные, словно когти с острыми шпорами, изогнутые широкие крылья и длинную застекленную кабину. И еще черно-белый крест на фюзеляже. Вот все, что я успел разглядеть, а через секунды ахнуло снова, и я распластался лицом вниз. Время в период бомбежки течет совсем по-другому. Спроси меня, сколько все длилось, сказать не смогу. Может, десять минут, может, полчаса.

Несмотря на то что зимний лес не лучшее укрытие от авиации, командир полка сумел организовать неплохую маскировку. Лошадей и артиллерию загнали под сосны, людей рассредоточили по батальонам. Если бы две тысячи человек кучковались в одном месте, нас бы наверняка заметили. Сыграл свою роль и приказ не вставать и не шататься без дела. За этим строго следили. Потери в полку были сравнительно небольшие. В нашей роте два человека получили контузии.

Спустя какое-то время меня послали к дороге. В суматохе разбежались по лесу несколько новичков, кроме того, мы ждали отставшие полевые кухни. На дороге и возле обочин лежало множество трупов. Не сказать, чтобы сотни, но несколько десятков людей погибли. Беженцы уже продолжали свое движение на восток, а воинские подразделения, попавшие под удар, собирали раненых, готовились к маршу.

В колонне было несколько грузовых полуторок. Одна из них пыталась круто свернуть в кусты и застряла в кювете. Взрывной волной снесло кузов, деревянную кабину. От машины остался лишь металлический остов и мотор. Как ни странно, но полуторка не загорелась. Еще две или три догорали по обочинам. Одну развалило на куски, словно шарахнули огромной кувалдой. Кузов и задние колеса исчезли, а передняя часть сплющилась.

Я впервые столкнулся с войной, ее жертвами. Немцы сбрасывали бомбы разных калибров, по-моему, даже пятисотки. Огромная воронка, глубиной метров пять, наполнялась мутной, дымящейся на морозе водой.

– Осторожнее, товарищ лейтенант, – предупредил меня командир отделения Яша Звонарев. – Не наступите.

Но я уже наступил. На что-то липкое, подмерзшее, размазанное в земле и снегу. Это был кусок человеческой плоти. Неподалеку лежал красноармеец с лопнувшими шароварами, в расстегнутой шинели. Ран я не заметил, но изо рта убитого натекла огромная лужа крови, смерзшаяся в ледяной комок. Вокруг были разбросаны еще тела. Без ног, рук, с разорванными животами. Я потянул Звонарева, и мы зашагали в сторону.

С дерева, под которым стоял остов полуторки, снимали тело красноармейца, заброшенное туда взрывом и застрявшее в сплетении ветвей. Его всего переломало, из разорванной фуфайки и брюк торчали осколки костей. Зрелище было страшное. Мертвое тело бойца забросило вверх, словно всем напоказ. После этого говорить ни о чем не хотелось. Молча курили.

Вскоре появились две наши полевые кухни и несколько повозок из отставшего обоза. Старшина стал объяснять, что задержались из-за немецких самолетов, а одну кухню разбомбили. Я показал ему направление, торопясь уйти подальше от исковерканных тел. Когда вернулись, сказал Гладкову:

– Иван Алексеевич, фрицы бросали бомбы килограммов по двести пятьдесят, даже пятисотки. Для полуторок и пехоты хватило бы мелочовки. По нервам били или дорогу разрушали? Сейчас все через лес прутся, такое столпотворение.

– Торопимся. Вечно торопимся, а насчет нервов... У нас в роте трое молодых в штаны наложили.

– И постираться негде, – невпопад брякнул я.

– Ничего. Нашли запасное белье. Главное, куда не убежали.

Варева из двух полевых кухонь на весь полк, конечно, не хватило. На наш взвод выдали по двухкилограммовой буханке хлеба на каждые пять человек, немного сахара и несколько селедок. Горячим пообещали накормить позже. Ничего. Ломти хлеба посыпали сахарным песком и заедали селедкой. Такая необычная еда после голодухи показалась мне очень вкусной.

Не знаю почему, но начальству чудились кругом шпионы и ракетчики. Посты задерживали всех посторонних, кто приближался к расположению полка. Шпионы нам вреда не принесли, зато мы сами потеряли осторожность. Некоторые бойцы, не выдержав холода, пошли на открытый луг, где виднелись раздерганные копны сена.

Кто потащил охапки в лес, кто пристроился здесь же, зарывшись в сено. Хожение заметили с воздуха. Прилетела пара незнакомых мне самолетов с тупоносими оранжевыми капотами. Позже я узнал, это были устаревшие «Хеншели-126». Они сбросили серию небольших бомб и прострочили из пулеметов развороченные копны и убежавших красноармейцев.

Пошли на второй круг, но командир батальона Онищенко приказал открыть огонь из ручных пулеметов. Лупили азартно не только из «дегтярей», но из винтовок и даже наганов. «Хеншели» круто взмыли вверх и исчезли в небе. Погибли пять или шесть красноармейцев, сколько-то были ранены.

Командир полка подполковник Урусов собрал командиров батальонов, батарей, отчитал их за шатанье бойцов по лесу. Насчет самовольной стрельбы промолчал. Азартного и веселого

комбата Онищенко уважали. Досталось командирам взводов. Нам приказали строго следить за маскировкой и самим не ходить никуда без приказа.

– Всем, кроме караульных, спать!

Но сон большинству, как назло, не шел. Позже, когда придется без передышки шагать долгими часами, мечтая хоть на пять минут передохнуть, будем часто вспоминать ту команду. Нам разрешали спать, пусть на морозе, но мы к нему вроде и притерпелись, сбиваясь в кучки. Все с нетерпением ожидали темноты, чтобы снова двинуться в путь. Многие – навстречу своей смерти.

А через пару часов после этой бомбежки немцы налетели снова. Выражение некоторых людей, передающих атмосферу первого и второго военного года: «Немецкие самолеты буквально висели над головами», не совсем соответствует истине. Линия фронта слишком широка, чтобы заполнить ее авиацией. Но разведка люфтваффе была налажена, и самолеты наносили продуманные и болезненные удары.

Участок лесной дороги, возле которого находился на дневке наш полк, видимо, намеренно был изрыт воронками. Заровнять горы земли и ямы не удосужились. Если пехота проходила лесом, то многочисленные повозки, а особенно орудия с упряжками из 4–6 лошадей, буквально продирались через подлесок, глубокий снег и узкие обочины. Образовалась пробка, и ей воспользовалась немецкая авиация.

На этот раз самолетов было больше, и грохот взрывов стоял непрерывный. Нам оставалось только лежать и удерживать своих лошадей, которые рвались из упряжек. Да что там лошади! Хотя бомбы сыпались в отдалении, вой сирен, оглушительные взрывы, облако дыма, заполнившее лес, заставляли многих бойцов вскакивать, куда-то бежать.

Но общей паники мы не допустили. Офицеры, сержанты и бывалые бойцы сдерживали молодняк. Безжалостно сбивали с ног бегущих прямо в пекло взрывов красноармейцев. Из дымящейся, как вулкан, завесы вынырнула целая толпа из другого полка, угодившего под бомбежку. Выстрелами над головой и пинками заставляли ложиться и готовиться к бою. Я слышал крики:

– Там людей на куски разрывает!

– Всех убьют!

Порядок все же навели. Ротный Гладков отчаянно матерился: кому взбрело в голову перебрасывать войска днем! Может, в этом и была какая-то необходимость, но людей во время второй бомбежки погибло много. За деревьями что-то горело, взрывались боеприпасы, кричали раненые.

Часть санитаров подполковник Урусов послал к месту бомбежки. Вернулись они, когда полк готовился к маршу. Торопливо хлебая оставленную им кашу, санитары рассказывали, что на дороге получилась сплошная мясорубка. Людей погибло сотни. Словоохотливых, возбужденных санитаров осадил кто-то из политработников:

– Хватит болтать. Доедайте и в строй.

Не дожидаясь темноты, полк двинулся через лес к дороге, где она была не так повреждена бомбами. На западе вспыхивали зарницы. Все были уверены, что завтра вступим в бой.

Глава 3

Под Сталинградом продолжалось упорное сражение. Хотя была отбита самая крупная попытка танковых войск Гудериана деблокировать кольцо окружения и отражены несколько других контрударов, речи о капитуляции 6-й армии Паулюса не шло.

Наступление на нашем участке фронта началось 13 января после сильной артиллерийской подготовки. Примерно 15–16 января вступил в бой наш полк. В составе частей 40-й армии мы двигались в направлении города Алексеевка. От Сталинграда нас отделяло около 500 километров, так что, по фронтовым меркам, мы действовали довольно близко от эпицентра гигантской битвы.

В то время мы мало что знали о Сталинградском сражении. В газетах уже появились фотографии пленных немцев, замотанных в бабьи платки, одеяла, в безобразных соломенных галошах. Осуждались бессмысленные попытки сдержать наше наступление, которые приводили лишь к новым жертвам.

Много позже некоторые военные историки назовут две основные причины (кроме «тупого упрямства Гитлера»), почему так отчаянно сопротивлялась окруженная армия Паулюса. Сдача в плен его тридцати дивизий оголяла южные фланги и, по утверждениям высших немецких военачальников, могла стать причиной обвала на юге советско-германского фронта, взятия Ростова и некоторых других крупных городов. Кроме того, санитарные специалисты вермахта утверждали, что сдача в плен не спасет жизнь немецких солдат. Большинство в условиях русских лагерей не доживут до весны. Так или иначе 6-я армия Паулюса продолжала отчаянно обороняться.

А теперь вернусь к своей роте и своему взводу. Первый бой запоминается на всю жизнь. Мне трудно вспомнить действия всего полка, названия мелких деревень и населенных пунктов. Наш второй батальон миновал мелколесье и оказался на краю огромного заснеженного поля. Где находился третий, я не знаю, а первый батальон, поддерживаемый 8–9 танками, вместе с лыжной разведкой шел напрямую к остаткам разрушенной деревни.

От деревни осталось лишь несколько полуразваленных домов. Танки двигались резво, стреляя на ходу. Потом начался ответный орудийный огонь, и я увидел, как с брони прыгают десантники. Приостановилась и лыжная разведка. Пальба шла с обеих сторон, но мы пока находились в стороне. Шли быстрым шагом вдоль леса. Как я понял, задачей роты было наступать с левого фланга.

Затем в нашу сторону полетели мины. Зудящий звук плохо настроенной струны и звонкий хлопок. Ни огня, ни вспышки, лишь столб снега и что-то серое, наверное, пучки замерзшей травы. Команды ложиться не было, мы лишь сдвинулись ближе к лесу, одновременно ускорив шаг.

Пробивать снежную целину было тяжело, взводы менялись местами каждые десять-пятнадцать минут. Несмотря на то что часть вещей сдали в обоз, нагружены мы были, как ишаки. Кроме пистолета, я имел автомат ППШ и запасной диск к нему. Вместе с тяжелым диском, кобурой и двумя гранатами ремень постоянно сползал с отошавшего за последнее время живота.

Бойцы поопытнее оставили в обозе шинели и шагали в телогрейках (я последовал их примеру), остальные утопали в снегу, волоча обледенелые полы шинелей. Кроме личного оружия и боеприпасов каждый нес какой-то груз: ящики с патронами, обычные штыковые и совковые лопаты (нужная вещь!), складные носилки. Станковых пулеметов в роте было два. Их несли человек восемь. Кроме станка, ствола тащили с десятков коробок с патронными лентами. Хорошая штука «максим», но весит целых 64 килограмма.

Никита Пинчук, мой помкомвзвода, тащил на поясе два запасных диска и штук десять гранат. Какие-то боеприпасы брякали у него в увесистом вещевом мешке. Шагая в свой первый бой, я не догадался запастись патронами как следует.

Налегке, с одним магазином, подсумком да парой гранат, идут только в плохом кино. Что такое 140 патронов для автомата? В лучшем случае полчаса боя. А вещмешок я не взял из ложного самолюбия – как же, офицер! А вот кирзовая полевая сумка, болтающаяся, как хвост, меня просто измотала. Ее можно было вполне оставить в обозе. Самого главного – карты местности взводным не выдали, а индивидуальный пакет уместился бы в кармане.

Танки продолжали атаку, но вскоре загорелся легкий приземистый Т-70, затем поползла в низину подбитая «тридцатьчетверка». Дымовые шашки помогли ей укрыться. Остальные машины, продолжая маневрировать, двигались быстрыми зигзагами к остаткам деревни.

1-я и 3-я роты бежали, увязая в снегу. Гладков в очередной раз дал команду ускорить шаг. Вокруг роты начали взрываться мины. Не слишком густо. Видимо, все немецкие стволы работали против танков и других рот, наступавших в лоб. Но вскоре досталось и нам.

Один из красноармейцев моего взвода заметно отставал. Звонарев пытался его подогнать, но боец жаловался на усталость и боль в груди. Остальные красноармейцы держались вместе. Наверное, на свете и правда есть судьба. 80-миллиметровка рванула именно рядом с ним. Когда я подбежал, двое санитаров стащили шинель, разрезали гимнастерку, белье. Боец (фамилии-имени не запомнил) бился, пытаясь подняться. Крупный осколок разбил ключицу и верхушку плечевых костей. Кровь парила на морозе и выталкивалась неровными толчками.

Санитары затыкали рану, разрывая индивидуальные пакеты один за другим. Я достал из планшета свой пакет и протянул санитарам.

– Не надо, товарищ лейтенант, – отстранили меня. – Доходит парень.

Вокруг уже столпилась половина взвода, бежал капитан Гладков. Еще две-три мины рванули неподалеку. Красноармеец схватился за ухо и по-детски заойкал. Я приказал Пинчуку возглавить взвод:

– Никита, быстрее! Перебьют ведь.

Старший сержант торопливо уводил взвод. Я подошел ко второму раненому красноармейцу. Осколок наполовину оторвал наушник шапки и полоснул по щеке. Что-то вроде глубокого бритвенного пореза. Я поднял его за шиворот.

– Бегом. У тебя царапина.

Ротный Гладков с полминуты рассматривал смертельно раненного бойца. Дал команду санитару немного побыть возле него, а затем бегом догнать взвод. Санитар, один из дядек, ограниченно годных к военной службе, растерянно глянул на меня, затем на ротного.

– Не телись здесь. Ни к чему, – надевая варежки, сказал капитан. – Там ты нужнее будешь. Буканов, бегом!

Я догонял взвод, а в голове билась мысль: «Мы бросили раненого!» Санитару ясно намекнули: посидеть немного с обреченным человеком и тоже бежать вперед. Этот парень, действительно, умирает. Крови вытекло столько, что попади он на операционный стол прямо сейчас, вряд ли бы хирурги сумели что-то сделать.

Теперь рота бежала по открытому полю. На буграх снег сдуло, и в некоторых местах люди проваливались по пояс. Мины стали падать гуще, потом издали застучал пулемет. День был пасмурный, и трассеры виднелись отчетливо. Пока расстояние рассеивало пули, но метров через двести огонь уже стал прицельным.

Люди падали один за другим. Многие прятались, зная, что впереди смерть. Звук немецкого пулемета был рычащим. «Машингевер» словно захлебывался от собственной скорострельности, но не захлебнулся. Это был знаменитый МГ-42, выпускавший двенадцать пуль в секунду. Очереди, идущие кучно, находили новые жертвы. Атака замедлилась. Офицеры и сержанты поднимали мелкие группы, но те, пробежав с десятков метров, снова падали в снег.

Деревня, где шел основной бой, находилась от нас по-прежнему далеко. Мы уткнулись в снег возле выселок: каменный, наполовину разваленный дом, две сгоревшие хаты, срубы колодцев, кирпичные печи. Мест, где фрицы могли укрыться, вполне хватало. Гладков приказал открыть огонь из обоих «максимов», стараясь в первую очередь погасить огонь немецкого пулемета из каменных развалин.

Дружный треск «максимов» помог роте продвинуться еще на сотню метров, а затем бойцы намертво застряли среди кочек и глубокой, пробитой еще осенью дорожной колеи. Миной перевернуло и отбросило один из наших станкачей. Расчет слишком увлекся и вовремя не сменил позицию. Мина ударила с недолетом, изорвала кожух, погнула ствол и контузила расчет. Но этим ребятам еще повезло. Поднявшийся по команде сержант и двое бойцов угодили под очередь, и свалились все трое.

Один кое-как уполз в колею, а двое ворочались в окрашенном кровью сугробе. Немцы добивали их торопливо, с непонятной мне яростью. Из пулеметов, винтовок, автоматов, вырывая пулями клочья тел и одежды. Словно хотели показать остальным – то же самое будет со всеми вами. Расчет второго «максима» прятался за пригорком, стреляя длинными очередями неведь куда. Ручные «Дегтяревы» действовали более четко, но расстояние для них было великовато. Все же пули, крошившие камень полуразрушенного дома, заставили немецкий расчет перебраться в другое место.

Меня позвал Гладков. Когда я плюхнулся рядом с ним, там лежал его ординарец Мишка, парень лет семнадцати. Оба курили командирские папиросы. Угостили меня. Со стороны деревни в нашу сторону взлетела красная ракета.

– Наверное, пятая или шестая по счету, – сказал Гладков. – Торопят.

К нам присоединился взводный Иванцов. Возбужденный, тоже курил и обругал пулеметчиков:

– Глянь, Алексеич, что творят! Куда попадая шпарят, – он высунулся из снежной ямы и крикнул: – Эй, «максимы», кончай пальбу по воронам.

Меня не удивило, что младший лейтенант Иванцов, несмотря на большую разницу в званиях и возрасте, даже не будучи заместителем ротного командира, обращается к нему на «ты» и самовольно дал приказ расчету «максима» прекратить стрельбу. Капитан просто не обратил внимания на эти мелочи, морща лоб и рассматривая в бинокль местность впереди. Позвал Антона Чепелева.

– Торопят, мать их, – повторил командир роты. – Надо подниматься, належались. Перебежками, не останавливаясь. Все «Дегтяревы» в цепь, и вести непрерывный огонь. Ты, Буканов, вроде инструктором был?

– Так точно.

– Из «максима» стрелять умеешь?

– Умею.

– Заткнешь этот МГ-42. Знаешь такую штуку?

– Еще нет.

– Узнаешь. Будь осторожнее. Скорострельность тысяча двести выстрелов в минуту плюс оптика.

– Кто взвод поведет?

– Найдем, – влез Иванцов. – А ты покажешь, чем в Ташкенте полтора года занимался. Урюк с пловом жрал или чему-то учился.

Чувствуя, что вспыхнет ссора, Гладков резко оборвал Иванцова и отправил в свой взвод. Я пополз к «максиму», который парил горячим кожухом. Расчет набивал ленты. Сержант с темно-рыжими кудрями доложил, что в наличии имеется восемь лент, частично набитых, и семьсот патронов в запасе.

– Вода есть? – спросил я.

Опытные пулеметчики таскают с собой запас в бачке или большой фляге. Этот расчет опытным не был. Вода имелась лишь в солдатских фляжках. Я откинул крышку.

Так и есть, вода наполовину выкипела, а на ощупь была почти кипятком. Торопливо заталкивали комки снега, благо пулемет был выпуска сорок первого года, с широкой крышкой. Фамилия рыжего сержанта была Гоголев. Я приказал ему занять место второго номера, а двум другим номерам набивать побыстрее ленты.

Рыжий, поморгав, осторожно спросил, кто дал такой приказ отстранить его от пулемета. Видимо, он уже успел почувствовать себя командиром подразделения, не последней личностью в роте и подчинялся лично Гладкову. Я проверил затвор пулемета, прицел. Рыжий замолк и вопросов больше не задавал.

Сильная штука пулемет «максим»! Хоть и громоздкий, но с хорошей прицельной дальностью, а тяжелый вес помогал ее держать. Рота двинулась вперед мелкими перебежками, кое-где ползком. Сразу заработал МГ-42, перебравшийся из развалин за расколотую пополам огромную русскую печь. Я нащупывал цель короткими очередями, потом всадил несколько штук длинных. Печь окуталась красной кирпичной пылью.

«Машингевер» замолк, а рота побежала резвее. Закричали даже «ура». Автоматный огонь и винтовочные выстрелы были не так страшны, как смертоносные трассы МГ-42. Я добил ленту по вспышкам, а пока заряжал следующую, в нашу сторону ударили сразу два пулемета. Знакомый МГ-42 и чешский ручник «зброевка» с магазином сверху.

Рота залегла, а я нащупывал МГ, опять переместившийся в развалины каменного дома. Впервые за долгое время я почувствовал себя действительно нужным.

Стрельбой и в Ростовском училище, а особенно в Ташкенте приходилось заниматься много. Куда-то ушли нервозность и страх перед чужими пулями. Я занимался делом, которому выучил несколько поколений курсантов.

Очереди шли ровно, по 8—10 патронов. Кажется, я снова достал МГ-42, и расчет замолчал. Теперь надо менять свою позицию. Быстрее! Когда я подал эту запоздавшую в горячке команду, третий номер мотнул головой, словно раскланивался, и повалился на спину. Легкий пулемет «зброевка», изготовленный в Чехии братьями-славянами, нашел свою цель.

Красноармеец был убит наповал. Пуля пробила шапку вместе с головой. Мы торопливо уползли прочь, оставив тело в яме-окопе. Пока перебирались на новое место, чертова «зброевка» продолжала вести огонь. На новой позиции с трудом отдышались и перезарядили «максим».

Расчет чешского пулемета прятался за срубом колодца с торчащими бревнами и заваленной колодезной рамой. Толстые бревна неплохо защищали фрицев, но я знал, что «максим» все равно достанет их. Я выпустил целиком ленту, рыжий помощник умело вставил новую.

Огонь с расстояния трехсот метров откалывал уже не щепки, а целые куски бревен. Кое-где образовались дыры, сруб колодца завалился еще сильнее. Главное, оба фрицевских пулемета молчали, а рота обстреляла вражеские позиции с флангов.

Из-за сруба поднялись оба пулеметчика и побежали прочь. Я дал еще очередь, но стрелять мешали наступающие бойцы. Я выпустил остаток ленты по уходящему легкому вездеходу и нескольким фигурам в серо-голубых шинелях, мелькавших уже далеко.

Покатили «максим» вслед за ротой. Там еще хлопали отдельные выстрелы, но бой, кажется, закончился. Хотелось убедиться в точности своей стрельбы. За расколотой печью среди груды стреляных гильз обнаружили труп немецкого пулеметчика, убитого двумя пулями в лицо. В училище я неплохо изучил знаки различия германских сухопутных войск. По характерным погонам с серебристой окантовкой и такому же блестящему квадрату угадал, что это унтер-офицер, видимо, командир пулеметного расчета.

– Офицер? – спрашивали меня.

– Нет, унтер. Бывалый, гад. Вон медаль за зимнюю кампанию. С сорок первого воюет.

Еще два труп и разбитый пулемет МГ-42 нашли в развалинах дома. Судя по пулевым ранениям, это была наша работа. Кто-то из славян сгоряча швырнул гранату, добивая расчет, и разворотил пулемет, который я хотел захватить в качестве трофея.

Сруб колодца был раскрошен и издырявлен насквозь, утоптаный снег пропитался кровью, но «зброевку» успели подобрать до нашего прихода бойцы, которые вбежали на позиции первыми. В роте появились немецкие автоматы, кожаные сапоги, немного короче наших. Их снимали от жадности. Впереди еще холодные зимние ночи, а такие сапоги хороши для весны и осени. Лучше валенок обуви не найдешь. Мы ведь в отличие от немцев часто ночевали зимой прямо в окопах.

Рыжий сержант, обшаривая уже вывернутые карманы, ругался вовсю. Кроме металлической расчески в футляре и ополовиненной пачки сигарет, ничего не нашел. Он хотел непременно занять часы, но разве поспеешь за пехотой с нашим тяжелым «максимом»! Свое раздражение решил выместить на мне:

– Хорошо стреляли, товарищ лейтенант. Четыре ленты, тысяча штук патронов и три труп.

Может, прозвучит хвастливо, но я был доволен своей стрельбой. За количеством не гнался. Главное, заставил умолкнуть немецкие пулеметы и дал возможность атаковать нашим ребятам. Но подковырка рыжего сержанта меня задела:

– Гоголев, значит, фамилия? Громкая... если увижу еще раз, как в канаве прячешься и в небо палишь, рядовым ко мне во взвод пойдешь.

– Извините, но я лично командиру роты подчиняюсь и прикомандирован к вам временно.

Его пихнул в бок третий номер:

– Не дури, Петька! Товарищ лейтенант два пулеметных расчета выбил, а ты дохлых фрицев считать взялся!

– Не мы одни стреляли, – бурчал Гоголев, – один пулемет вообще гранатой взорвали.

В общем, подпортил мне рыжий настроение.

Рота собиралась вместе. Перевязывали раненых, обсуждали бой. Капитан Гладков похвалил меня за меткую стрельбу и попросил (или приказал) побыть до вечера во главе расчета «максима». Я вяло ответил «есть» и приказал Гоголеву срочно почистить пулемет, а третьему номеру раздобыть воды.

Деревня, где еще продолжался бой, находилась от нас дальше, чем я рассчитывал. Осталось еще около километра. Значит, снова наступать. Помкомвзвода Никита Пинчук принес мне консервов, хлеба, трофейного рома в плоской пол-литровой фляжке. Сообщил, что во взводе погибли двое, а человек девять ранены. Готовятся к эвакуации.

Усталый, словно побитый, я спохватился, что забыл про взвод. Пошел, дожевывая кусок хлеба. Яша Звонарев, хвативший рома как следует, обнял меня, пожаловался, что убили земляка. Обошел раненых, настроение испортилось еще сильнее. По крайней мере, трое из девяти были ранены смертельно. У одного разворотило бок разрывной пулей, два человека получили по несколько пуль в живот и ноги.

– Вот так, – подошел ко мне Антон Чепелев. – А у меня погибших семь человек, не считая раненых.

Выпили с ним еще. Антоха рассказал мне случай, на который я не знал, как и реагировать. Дрянной случай. Двое немцев с ручным пулеметом «зброевка» убегали от колодца. Их кинулись преследовать несколько человек, но лейтенант Иванцов, отогнав остальных, побежал вслед сам. Один из пулеметчиков выстрелил в него из пистолета, но промахнулся. Тогда Иванцов дал длинную очередь. Немец с пистолетом упал, а второй, бросив пулемет, поднял руки.

Лейтенант подобрал «зброевку», что-то проговорил и очередь из пулемета в упор прикончил обоих немцев. Подошли бойцы из его взвода, столпились вокруг убитых.

– Чего уставились? – спокойно спросил Иванцов. – Заберите пулемет, а патроны у колодца лежат. Трофей нужный.

То, что в бою пленных не берут, я быстро понял. Не до того. Не успеешь вовремя курок нажать, тебя прикончат.

Даже тех, кто в горячке руки поднимал, когда еще драка шла, тоже не щадили. Впрочем, немцы в плен редко сдавались. Верили своей пропаганде, что русские всех убивают. Значит, такие, как Иванцов, на эту пропаганду работают. И что хуже всего, сделал это на глазах молодых ребят. Небрежно, словно пулемет опробовал.

– Говно, – сказал Антон. – Бывают же такие люди...

Я с ним согласился. Бой фактически закончился, Иванцов стрелял во фрица, который стоял с поднятыми руками. Позже и я стану более жестким в поступках, постигая безжалостную школу войны. Но Иванцова я осуждал и тогда, и после.

Странно отреагировал ротный Гладков. Вроде рассудительный хороший мужик. Но возмущившемуся парторгу посоветовал: «Не бери в голову! Шлепнул, и черт с ними! Лучше посчитай, сколько наших погибло».

Я считал, что бой уже кончается, но рота по дороге в деревню нарвалась на засаду. Из замаскированного дзота открыли пулеметный огонь. В запасной траншее заняли оборону остатки выбитых нами немцев. Рота снова залегла. Гладков приказал мне погасить дзот, но ничего не получилось.

Возможно, мои пули попадали в амбразуру, но дзот продолжал вести огонь. Немцы хорошо пристрелялись. Несколько пуль разорвали кожух, одна пробила щит насквозь, «максим» вышел из строя. Дзот стали обходить с флангов, но двое бойцов попали на противопехотные мины. У одного ногу до колена словно протянули через барабан молотилки, сплющило так, что торчали осколки костей. Второму «повезло», оторвало кусок пятки вместе с каблуком. Идти вперед больше никто не решался.

С час лежали под пулями, затем ротный приказал Иванцову сделать круг и обойти дзот с тыла. Лейтенант повел свой поредевший взвод, а мы ждали. Курили, пытались прицельными выстрелами попасть в амбразуру. Ничего не получалось. Мишка, семнадцатилетний ординарец Гладкова, суетился, без конца высывался. Его заметили и достали очередь через метровый снежный бруствер.

Пули попали в верхнюю часть груди, порвали легкие. Мальчишка умирал тяжело, хрипел, захлебываясь розовой пеной. Гладков, у которого сын был такого же возраста, вытирал слезы с лица. Стал вызывать добровольцев, чтобы забросали дзот гранатами. Все отмалчивались. Ротный глянул на дергающуюся в агонии ногу мальчишки, обутую в трофейный подкованный сапог, потом посмотрел на меня:

– Жалеете фашистов! Правильно их Иванцов застрелил. Ну, чего уставился? Бери гранаты и ползи.

Со мной впервые говорили таким тоном. Как лошадью понукали! Ну, дал бы нормальную команду, я бы ее выполнил, если бы раньше не убили. Обиду проглотил молча, сунул в карманы еще две «феньки», отложил автомат, снял полевую сумку (они мешали ползти). Капитан Гладков был не в себе, забыл, что уже послал взвод Иванцова зайти с тыла. А я вряд ли проползу и четверть расстояния. Отчетливая мишень на снегу. Но приказ, каким бы он ни был бессмысленным, обязывал меня его выполнять. Почему я? Просто подвернулся под руку в ненужный момент.

А ведь день начинался неплохо, и стрелял я точно в цель. Гладков стал что-то объяснять, каким путем лучше ползти, но я глянул на него с такой ненавистью, что он замолчал. Я прополз метра три, когда кто-то потянул меня за сапог. Это был Антоха Чепелев.

– Алексеич, взвод уже с фланга наступает. Чего Славка один делает? – удерживая меня за сапог, убеждал ротного Чепелев.

Я уважал и буду уважать нашего рассудительного и решительного в бою капитана Гладкова, но до последних дней пребывания в роте не смогу простить ему этой слезливой слабости и той легкости, с которой он, не задумываясь, посылал меня на бессмысленную смерть. Чепелев бы меня не удержал, но Гладков, приходя в себя, пробормотал: «Отставить, Буканов». Старшина подсунил ему фляжку, и капитан, булькая, шумно отпил несколько глотков водки.

А дзот и траншею с засевающим немецким отделением раздолбал наш Т-34. Он вылетел на скорости из села, выстрелил раз-другой. Затем остановился и прицельным выстрелом ударил в основание дзота. Груда земли и бревен осела. Из траншеи выскочили с десятков немцев, но танкисты из своих пулеметов расстреляли почти всех. Двое или трое успели нырнуть в камыш.

Так закончился мой первый бой. Ночь провели среди разваленных домов, набились в землянки, выкопанные местными жителями. Полевые кухни приехали с запозданием. Пока их ждали, хлебнули, как следует, трофейного спирта. Пили почти без закуски. Я опьянел. Лейтенант Чепелев и оба наших помкомвзвода шумно обсуждали бой, повторяли, что я метко стрелял.

– Я не пулеметчик, – с трудом ворочая языком, отозвался я, – а командир взвода. Но завтра опять поползу гранаты кидать. В танк или колодец... как сверху прикажут. И вообще, идите вы все в жопу!

Дней восемь-десять мы вели наступательные бои. Наш полк повернули на северо-запад. Из населенных пунктов, которые мы освобождали, запомнилась Репьевка и крошечный хуторок Панино. Возле Репьевки наш батальон едва не подавили немецкие танки.

Спасло то, что успели укрепиться в старых траншеях. Из артиллерии у нас имелись две легкие полковые пушки, две «сорокапятки» и взвод противотанковых ружей. Еще привезли с вечера бутылки с горючей смесью (КС) и противотанковые гранаты.

От бутылок с КС бойцы шарахались, как от черта, хотя на ближнем расстоянии это было эффективное оружие. Зато все знали, что разлитую и вспыхнувшую жидкость ничем не погасишь. Жар в тысячу градусов сжигал железо, а от человека, по слухам, оставались головешки. Противотанковые гранаты РПГ-41, весом полтора килограмма, может, и были хороши в условиях городских боев, но из траншеи даже тренированный боец мог бросить ее метров на десять.

Гладков приказал выделить по пять-шесть подготовленных гранатометчиков в каждом взводе. Требовались бойцы не только физически сильные, но и с крепкими нервами. Со скрипом набрали группу, усилив ее командирами отделений. Я уже хорошо знал всех бойцов своего взвода.

Выделялся ефрейтор Завада, широченный в плечах парняга из Донбасса. Взвешивая в руке РПГ-41, слишком широкую в корпусе, он пообещал, что закатит «цею мандулину» прямиком в танк, и спросил, правда ли, что за подбитый немецкий танк дают орден. Во всей роте ни у кого не было ни одного ордена, лишь медаль у Гладкова и еще одна у кого-то из бойцов. Я пообещал сразу представить Заваду к ордену Красной Звезды, если удачно попадет. Но боец не был настолько наивным. Знал, что орденами рядовых награждают очень редко.

– Да ладно, чего там. Попаду и без ордена.

Господи, какие хорошие ребята были во взводе! У сержанта Яши Звонарева пропали без вести два старших брата, а скоро должны были призвать в армию младшего. Он переживал за него больше, чем за себя, прикидывал, закончится ли война через полгода или хотя бы через

год. И с грустью поразмышляв, сообщал свое мнение, что через год война никак не кончится. Слишком далеко зашли фашисты.

С немецкими танками мы столкнулись. Но в тот период (как я позже пойму) фрицы только готовились к главным ударам. Пока же наступали мы, хоть и с остановками. На наши позиции с ходу пошли штук двенадцать танков и несколько бронетранспортеров. Вряд ли бы мы выдержали такой удар, но за ночь подбросили батарею ЗИС-3, сильных противотанковых орудий конструктора Грабина.

Бой фактически шел между артиллерией и танками. Мы сидели в траншее и вертели головами, слушая, как летят снаряды. Особенно противно и нервно были противотанковые болванки, хотя для нас они были менее опасны и шли в сторону наступающих панцеров.

По нашим орудиям били осколочно-фугасными снарядами и 80-миллиметровыми минами. Тяжело пришлось батарее ЗИС-3. Если для приземистых «сорокапятков» и полковых трехдюймовок успели отрыть орудийные окопы, то массивные ЗИС-3 стояли практически на открытом месте. Вырыли ямки с полметра, и вся защита.

Они нанесли немцам наибольший урон, но вскоре три из четырех пушек были разбиты. Творилось что-то невообразимое. Немцы набросали дымовых шашек и тащили в тыл под прикрытием серо-желтых клубов подбитые танки. Один танк взорвался, языки пламени виднелись сквозь дымовую завесу.

Взвод «сорокапятков», стоявший у нас за спинами, действовал как-то странно. Пушки сделали по несколько выстрелов с близкого расстояния (по-моему, никого не подбили), и расчеты исчезли в норах. Возможно, в этом был смысл, потому что приблизившиеся два немецких Т-3 с усиленной броней открыли по орудийным окопам огонь из своих 7 5-миллиметровых пушек. Окопы и пушки, укрытые в них, за считанные минуты превратились в рыхлое месиво земли, торчавших железяк, сплюснутых гильз.

Мой помкомвзвода Никита Пинчук не мог сидеть сложа руки и стрелял из противотанкового ружья. Толку от его стрельбы не было, но, спасибо саперам, накидали с вечера в снег тяжелых противотанковых «тарелок». Передний Т-3 наехал на мину. Ахнуло так, что заложило уши. Когда осела завеса снега и крошево земли, мы увидели, что у панцера оторвало левое ведущее колесо, измочалило гусеницу, а два листа брони выгнуло под прямым углом.

В подбитый танк летели пули из всех стволов. Второй Т-3 попятился и, вращая башней, повел беглый огонь по траншее из пушки и двух пулеметов. Он сумел загнать нас на дно траншей и собирался подцепить подбитый танк на буксир. Появился колесно-гусеничный транспортер и тоже добавил огня из пулеметов. Бежала немецкая пехота, и отсиживаться внизу становилось равносильно смерти.

Никита попал зажигательной пулей в узкий, похожий на свиное рыло, двигатель бронетранспортера. Пыхнул огонек, безобидный на вид, но немецкие механики сразу дали задний ход. Когда бронетранспортер исчезал в защитном дыму, огонь уже выбивался из-под радиатора.

Главную опасность для нас представляли оба танка. Подбитый и тот, который пытался его вытащить. Оба вели сильный огонь. Мы могли противопоставить им лишь два противотанковых ружья. Одно вскоре накрыло снарядом вместе с бронебойщиком. Кусок человеческого тела шлепнулся в трех метрах от меня.

Будь это в другой обстановке, я бы, наверное, ошарашенно уставился на оторванную человеческую голову вместе с плечом и рукой. Но в бою мозг работает по-другому. Танки были слишком близко от траншеи – в «мертвой зоне». Панцер, который пытался вытащить подбитого собрата, не доставал нас снарядами, они пролетали выше. Зато поврежденный Т-3 лупил по траншее довольно точно. Ходовая часть от взрыва опустилась, и пушка могла стрелять под отрицательным углом.

– Заткнуть ее! Спалить вместе с блядским экипажем! – Может, я это выкрикивал, а может, мысли просто проносились в голове.

Я приказал Никите отбежать в сторону и ударить из ПТР в борт недобитого Т-3. Посылать людей с гранатами на танки было бесполезно, их смели бы пулеметным огнем.

– Бутылки! Кидай гранаты и бутылки! – орал я.

Кто-то сгоряча метнул одну-другую противотанковые гранаты. Они взорвались, не пролетев и четверти нужного расстояния. Я бросил бутылку с КС. Она разбилась, но лужица огня разгоралась метрах в пятнадцати от танка. Швыряли бутылки, «лимонки», бесполезные в данной ситуации РГ-42. Все это взрывалось и горело, усиливая дымовую завесу. Завада, стащив с себя телогрейку, метался, выбирая место попросторнее.

Рядом с ним свалился боец, раненный пулей в голову.

Завада метнул две бутылки с зажигательной смесью. Они тоже не долетели, но разлившаяся лужа огня подбиралась к подбитому танку. Взрывы «лимонок», очереди ручных пулеметов мешали подцепить Т-3 на буксир. Все же, потеряв двух ремонтников, немцы закрепили трос и уволокли машину прочь, и пока она не исчезла в дыму, маленький украинец посылал в танк пулю за пулей из противотанкового ружья.

Бой закончился. Немцы утащили свой недобитый Т-3, но перед позициями батальона остались догорать еще три танка и бронетранспортер, лежали трупы пехотинцев и танкистов в черных комбинезонах. Большие потери понесли и мы. Этот бой был самым тяжелым в первоначальный период моего пребывания на фронте.

Позже я получу назначение командовать взводом в штрафной роте, а там взводы насчитывали и 80, и 100 бойцов. Не уверен, справился бы я, не пройдя эти ожесточенные бои сорок третьего года. Я окончил полный курс военного училища, полтора года преподавал. Однако настоящую школу я прошел вместе со своим 1-м взводом, наступая и отбивая вражеские атаки. Все было совсем не так, как в учебниках. Постичь военную науку можно только в бою.

Эпицентр войны! Так иногда именовали этот период. Ох, и несладкое было времечко!

Глава 4

Полк с короткими передышками вел наступательные бои примерно числа до десятого февраля. Нам хорошо помогали танки, прорывая оборону, прикрывая наступающие части. 25 января 1943 года был освобожден Воронеж, 16 февраля – Харьков. Но самым главным успехом, пусть и не нашего Воронежского фронта, было завершение битвы под Сталинградом.

Наверняка все оставшиеся в живых ветераны помнят праздничную атмосферу, царившую после разгрома немцев под Сталинградом. В плен попало 90 тысяч немцев (венгров, итальянцев, румын), в том числе 24 генерала во главе с фельдмаршалом Паулюсом. Трехдневный траур, объявленный в Германии, сообщения во всех газетах, торжественные сводки Информбюро с пробирающим до дрожи голосом Левитана.

Наш полк и дивизия не дошли до Харькова и остановились для пополнения и формирования недалеко от города Короча. В роте остались в строю примерно 40 человек, у меня во взводе 12 или 13, то есть одна треть.

Погибших офицеров в нашей роте не было (в соседних были убиты четыре командира взвода), но Иванцов и я получили ранения. Осколок мины размером с двухкопеечную монету попал мне в шею за ухом. В санбате осколок вытащили, а меня оставили на лечение.

Иванцов поймал несколько мелких осколков, а один, от танкового снаряда, словно ножом располосовал предплечье. Рана была довольно глубокая, но младший лейтенант пролежал в санбате всего ночь, а на следующий день отправился в роту. Даже поругался с врачом:

– Во взводах людей не осталось, а я вылеживаться буду. Если что, приду еще на перевязку. А вместо себя, вон, грамотея из Ташкента оставляю. Ему-то обязательно отдохнуть надо, аж целый месяц воевал.

Сказано было с таким пренебрежением, что я от злости не нашелся, что сразу ответить. Сгоряча попросил, чтобы отпустили и меня.

– Буду на перевязки приходить, – обещал я.

– Лейтенант, ты хоть не дури! – раздраженно ответил капитан-хирург. – В героев играют. Ты в башку железо поймал, и неизвестно, чем еще все кончится. Ты из Ташкента родом?

– Нет, из Заволжья. А в Ташкентском училище курсантов обучал.

– Тогда сам должен понимать. Отсыпайся как следует и на процедуры вовремя приходи.

Я и без хирурга знал, что раны в лицо или голову – штуки поганые. Случаются частые осложнения, даже заражение крови. А если мозг задело, выживешь или нет, только богу известно. Мой осколок вроде до мозга не достал, но чувствовал я себя неважно. Усилилась боль в ухе, она пульсировала, отдаваясь во всей голове.

Я решил, что Иванцов все же гадостный парень. Чего он из санбата убежал? В бой рвался? Так полк все равно в тылу стоит. Покажет Гладкову и подчиненным, что плевать ему на раны, и завалится в землянку спирт хлебать. Толку от него с поврежденной рукой все равно никакого. А у меня к ночи поднялась температура, раздуло лицо. Делали уколы, но они не помогали. Я не мог спать, и мне дважды вводили морфий. Собрались было переводить в госпиталь, так как требовалась операция. Потом операцию сделали на месте.

Оказалось, что вторая часть осколка влезла куда-то глубоко. Образовался гнойный мешочек, который разрезали и вычистили. Дня два я лежал мокрый от слабости и пота, которым обливался несмотря на холод в палате. Снова завели разговор о госпитале, но решили еще повременить.

Меня пришли навестить Антоха Чепелев, Никита Пинчук и силач Завада. Кормили в санбате хорошо (впрочем, я тогда ничего не ел), но ребята принесли копченой колбасы, американского паштета и выпивки. Пить я опасался, да и не слишком был привычен к алкоголю.

Но все же два раза по полстакана принял. Появился аппетит, и я впервые дней за пять съел кусок колбасы, бутерброд с паштетом, что-то сладкое.

Ребята рассказывали ротные новости. Иванцов, хитрован, сбежал из санбата потому, что имел свой расчет. Ходили упорные слухи, капитана Гладкова назначат комбатом, а Иванцов мылился на его место.

– Не поставили?

– Нет, – покачали головами ребята. – Оно и к лучшему, что Гладкова оставили. Поставь ротным такого, как Иванцов, он за звездочки и ордена людей, как дрова, класть будет.

В полку, а тем более в батальоне трудно что-либо скрыть. Однажды, еще до меня, на каком-то празднике подвыпивший капитан Гладков обронил фразу о том, что знает каждого бойца в роте, все, как родные, – тяжело видеть, как они в бою гибнут. В принципе, нормально сказал. Ивану Алексеевичу Гладкову было под сорок лет, он и взводом долго командовал, и ротой, аж с сорокового года. Сослуживцы батальоны возглавляли, кто-то и в полковниках ходил. Хороший командир, но карьера у Гладкова не слишком складывалась.

А тут после Сталинграда и Харькова, пока я лежал в санбате, вручали награды, присваивали очередные звания. Начштаба полка предложил кандидатуру Гладкова на должность выбывшего комбата. Опытный, грамотный командир, воевавший с осени сорок первого, Гладков с новой должностью вполне бы справился. Но командиру полка попала вожжа под хвост. Мол, ему комбаты-орлы нужны, которые, не колеблясь, в бой роты посылают, а Иван Гладков над погибшими панихиду разводит. Рота ему родной стала! С таким настроем много не навоюешь.

Лизоблюды поддакнули. Кто-то вспомнил, как Иван Алексеевич слезу пустил, когда умирал его ординарец, ну и решили оставить Гладкова ротным. А ведь ротный наш не из мягкотелых был, решения принимал верные, и рота дралась не хуже других.

– Переживал Иван Алексеевич, – рассказывал Антон. – Комбата он заслужил. А Иванцов уж как на его место рвался.

Награды вручили немногим. Капитану Гладкову – орден Красной Звезды, первый орден за полтора года войны. Иванцов, Завада и кто-то из бойцов получили медали. Спасибо и за это. Раньше вообще наградами не баловали.

Хорошо с ребятами посидели. И выпили, и откровенно все новости обсудили. Хотя скажу откровенно, я ведь тоже на медаль рассчитывал. Две пулеметные точки подавил и дал возможность роте успешно атаковать. Ладно, обойдусь.

В санбате пролежал недели две. Снова принял взвод. Много новых лиц. И что меня удивило, некоторые еще ходили в гражданской одежде. Старые шинели или телогрейки всем нашли, но под ними носили домашние свитера и брюки самых разных цветов, не говоря про обувь.

Сразу включили в учебу – никак не забывали мое преподавательство в Ташкентском училище. Кроме своих новобранцев, дали человек по пять из 1-го и 3-го взводов. Если Чепелев и Иванцов обучали тактике, то боевую подготовку повесили на меня. С оружием было туго.

Получили по ленд-лизу партию американских винтовок «спрингфилд». С ней проблем не возникало. Простая хорошая винтовка на десяток сантиметров короче трехлинейки, и удлиненное до самой мушки ложе. Прицел был в ярдах (0,9 метра), но к этому легко привыкали. В роте «американками» вооружили примерно треть бойцов. На пристрелку выделили всего по двадцать патронов.

Но проблемы нештатного и трофейного оружия я уже испытал. После первых же боев начнется нехватка патронов. Винтовки погрузят в обоз и начнут заменять трехлинейками, оставшимися от выбывших из строя бойцов. Во взводе имелись поначалу с пяток румын-

ских винтовок «манлихер», но вскоре кончились патроны дефицитного калибра 6,5 мм, и «румынки» потихоньку выбросили.

В полк поступили также несколько десятков американских автоматов «томпсон» необычно крупного для нас калибра 11,43 мм. Автоматов ППШ тогда было мало, и «томпсоны» расхватывали, кто успел. Нашему взводу не досталось, но я особенно не жалел. Знал, что патроны к этим автоматам исчезнут очень быстро.

Старые гранаты РГД-33 полностью заменили на простые и легкие РГ-42, стало больше противотанковых ружей. Зато получили другой «сюрприз». Часть винтовочных патронов оказались с металлическими гильзами, а не с латунными, как обычно. В сырости они быстро ржавели, и, кроме того, ими нежелательно было заряжать диски ручных пулеметов. Но шла война, и воевать приходилось тем, что имеем. Приказал, чтобы металлические патроны постоянно протирали масляной ветошью.

Пришли несколько опытных бойцов, выписавшихся из госпиталей. Хорошо запомнился младший сержант Зиновий Марков. Широкоплечий, кудрявый, он был симпатичен, на него заглядывались женщины. Говорил он, слегка заикаясь. Прощел срочную службу еще до войны. Едва вернулся, женился, и снова призвали. Я поставил его командиром отделения и не жалел о своем выборе.

Вновь прибывшие запоминались и хорошим, и плохим. Худого невзрачного парня со шрамом на лице и вставными железными зубами все называли Рюха. Он был опытным пулеметчиком. Зато достал меня своими болячками красноармеец, переведенный из обоза. Он находился там после ранения и со страхом ждал, когда нас направят на передовую.

Однажды я застал его сидящим в леске с босыми ногами, опущенными в снег. Я пообещал написать рапорт, что фактически означало трибунал. Обозник уговорил меня промолчать об этом случае. Обещание я выполнил, но, как в дальнейшем я убедился, натура его такой же и осталась.

В двадцатых числах февраля пошли слухи о контрнаступлении немцев. В газетах писали об отражении «беспорядочных атак» противника, стремившегося отыграть за Сталинград. Общий тон газет и сообщений Информбюро был довольно бодрый. Передавались бесконечные информации о потерях немецких войск, отбитых атаках, наших мощных авиационных налетах. Пестрили цифры: 30... 50... 90 уничтоженных танков, две-пять тысяч убитых немцев. Немецкие самолеты, судя по газетам, тоже сбивались пачками, хотя, скажу откровенно, весной сорок третьего года я наших самолетов в небе не видел, а ни одной зенитки в полку у нас не было. Возможно, самолеты эти сбивали в других местах, но как они падали, я тоже не видел.

Полк подняли по тревоге в первых числах марта. Длинная колонна людей, повозок, артиллерийских упряжек двинулась на юго-запад. Полк был усилен противотанковой артиллерией: знаменитыми ЗИС-3 и батареями 45-миллиметровок. Основным вооружением пехоты по-прежнему оставалась винтовка. Кроме нескольких автоматов, во взводе у меня были теперь три ручных «Дегтярева».

Шли ночью, но так как сильно спешили, то прихватывали и светлое время. За двое суток марша три раза попали под бомбежку. Если первые две закончились так-сяк, мы успевали рассредоточиться, то третья, на рассвете, когда мы только вытянулись в походную колонну, оказалась для полка и других частей трагической.

На пробитую в снегу дорогу обрушились штук 20–25 пикирующих бомбардировщиков «Юнкерсов-87» в сопровождении истребителей. Грузовых машин у нас было немного, может, десятка полтора на полк, но их и артиллерию немцы старались уничтожить в первую очередь. Мы бежали в лес, который был здесь довольно редкий. Упряжки с легкими орудиями и обоз тоже спешно пробивались через кустарник и глубокий снег.

Грузовики ЗИС-5 (полуторки) попали в ловушку. Тяжело загруженные боеприпасами и продовольствием, они практически все сгорели там же, на дороге. Может, пара машин благодаря опытным водителям успели нырнуть в лес, а остального автопарка мы лишились. Грузовой ЗИС-5 со снарядами или минами рванул так, что раскололо пополам огромную ветлу метра два толщиной. От высоченного дерева остался торчать заостренный толстый кол, а дорогу вокруг по грудь завалило ломаными ветвями.

Ну, техника – это полбеда. Главное – люди. Потери были большие. У нас в роте погибли человек семь, и почти два десятка отправили в медсанбат. Здесь впервые столкнулся я со случаем самострела. Парень из взвода Чепелева прострелил себе руку. Не знаю, как он умудрился сделать это из винтовки (через тряпки, котелок), рассчитывая, что в такой бомбежке не догадуются.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.